

Н.П. Антропов

НА ДОЛГОМ ПУТИ К Я
(к 30-летию начала публикации
“Этимологического словаря белорусского языка”)

Подзаголовочная юбилейная дата – достаточный повод для того, чтобы, оглянувшись назад, оценить сделанное, в том числе и предшественниками, отошедшими от словаря в разное время и в силу различных причин, – оценить, прежде всего, с целью анализа перспектив окончания проекта, начатого в лучшие для нашей науки времена, когда путь к последней букве алфавита представлялся менее сложным и поэтому более быстрым.

Необходимая и важнейшая часть лексикографического наследия отдельного языка, этимологический словарь далеко не всегда, увы, является окончательно завершенным, потому что в силу особой специфики жанра (не обычная вполне рутинная, собственно словарная разработка, а исследование происхождения и часто истории каждой лексемы с пространственно-временной репрезентацией составляющих ее морфем – и всякий раз в собственном кругу разноязычных коррелятов), представляет собой чрезвычайно трудоемкое и, в прямой связи с последним, многолетнее, но обычно растягивающееся на несколько десятилетий научное предприятие. Не будет преувеличением сказать, что очень часто работа над таким словарем – дело всей жизни этимолога, о чем в отношении славянской этимологии свидетельствуют, например, научные и жизненные судьбы многих ученых даже из первого ее ряда – Ф. Безлая, Э. Бернекера, В. Махека, М. Фасмера, Ц. Скока, Ф. Славского, О.Н. Трубачева и др. Более того, что бы каждый из них, кроме этого, ни сделал в лингвистике, какие бы монографии или статьи ни написал, имя каждого из них навсегда (а с течением времени, как правило, исключительно и только) связывается с этимологическим словарем¹, ср., например, давно вошедшее в современную русскую речь словосочетание “словарь Фасмера”, адекватное, безусловно, “словарю Даля”².

В отношении “Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы” (далее ЭСБМ) это и так, и не так. Работа над ним началась в 1973 г.³, через пять лет⁴ вышел первый том, по поводу которого О.Н. Трубачев, читавший его в рукописи, писал незадолго до публикации: “Не такой большой по объему – 20 а. л., – том 1 (буквы

А и Б) в наших глазах представляет событие”⁵. За 15 следующих лет, в течение которых издание словаря из 10 томов⁶ планировалось полностью окончить, т.е. до 1993 г. включительно, увидели свет 8 томов на буквы А–П (*Паяць*). После этого в связи с окончанием 20-летнего срока, отпущенного на ЭСБМ академическими планами работы, издание было остановлено.

В 2000 г. работа над словарем возобновилась – прежде всего, усилиями Г.А. Цыхуна, и к настоящему времени из печати вышли еще четыре тома (9 – 2004 г., 10 – 2005 г., 11 – 2006 г., 12⁷ – 2008 г.), а 13-й, заканчивающий букву С и одновременно содержащий почти всю лексику на Т, сдан в издательство. Таким образом, “требование” длительного срока подготовки оказалось выдержанным, а вот “принадлежность” словаря одному или двум ученым, авторам и редакторам издания, вроде “словаря Мартынова–Цыхуна⁸” – нет. Последнее необходимо связать, видимо, с тем, что с самого начала разработки статей, составивших первые тома, имела место установка как раз на коллективный словарь, причем с очевидным авторским началом, которое, кроме всего прочего, должно было реализовываться не только в работе над отдельными буквами, что естественно и понятно, но даже над отдельными томами, если буква (или ее часть) входила в том целиком. Именно так все и было распределено, но, как это часто бывает, жизнь вносила свои коррективы, которые прежде всего касались изменений в составе первого авторского коллектива (тт. 1–8), а точнее – в его постепенном, но неуклонном сужении. Действительно, при общем количестве этимологов первого призыва в 9 человек, чьи статьи составили 1–4 тома (В.В. Мартынов, А.Е. Супрун, Г.А. Цыхун, Р.В. Кравчук, А.Е. Михневич, И.И. Лучиц-Федорец, Р.Н. Малько, В.Д. Лобко, Н.В. Ивашина), над следующими четырьмя томами работали уже четверо, а именно Мартынов, Лучиц-Федорец, Цыхун и Малько, причем Малько участвовала только в 8-м томе; Мартынову же принадлежит значительная часть 5-го и очень незначительная 8-го с начальным ударным О (всего 29 статей, из которых 6 – прямо, а 3 – опосредованно отсылочные). Основной массив работы по 5–8 томам выполнили, таким образом, Лучиц-Федорец (статьи во всех томах, причем буквы Л и М полностью) и Цыхун (значительные части 7-го и 8-го томов; буква Н полностью). Редактировал первые 8 томов В.В. Мартынов.

Небезынтересна, как представляется, сводка выходных данных по этим томам и состав их авторов: 1 т. (1978, А–Б (*А–Бячэйка*); 2771 словарная статья⁹: Мартынов, Супрун, Цыхун, Кравчук);

2 т. (1980, *В (Ва–Вяшчэль)*); 2776 словарных статей: Михневич, Кравчук, Лучиц-Федорец, Малько, Цыхун, Лобко); 3 т. (1985, *Г–І (Га–Ішчэ)*); 2592 словарные статьи: Кравчук, Мартынов, Супрун, Ивашина); 4 т. (1988, *К (К–Каята)*); 1257 словарных статей: Лобко, Лучиц-Федорец, Мартынов, Кравчук); 5 т. (1989, *К–Л (Каяць–Ліпянка)*; 3405 словарных статей: Мартынов, Лучиц-Федорец); 6 т. (1990, *Л–М (Ліра–Маячыць)*); 2565 словарных статей: Лучиц-Федорец); 7 т. (1991, *М–Н (Мгла–Немарасць)*); 2477 словарных статей: Лучиц-Федорец, Цыхун); 8 т. (1993, *Н–П (Немарач–Паяць)*); 2329 словарных статей: Цыхун, Мартынов, Малько, Лучиц-Федорец).

Второй авторский коллектив начал работать со второй половины 2000 г., когда было распределено окончание материала на букву *П*; статьи на *П* начальное составили 9–10 тома (по первоначальному плану только девятый). К этимологам-“старожилам” Цыхуну, Лучицу-Федорцу и Малько присоединились М.Е. Абрагимович, В.Л. Авилова, Н.П. Антропов, Е.В. Волкова, И.В. Курьян (все перечисленные авторы участвовали в 9–12 томах), а также В.А. Кощенко и Н.С. Шакун, разработавшие первичные варианты статей на некоторые следующие буквы. Редактировал 9 и 10 тома Г.А. Цыхун; с 11-го тома он исполняет обязанности главного редактора, а автор этих строк – ответственного. Сводка выходных данных по этим томам и состав их авторов следующие: 9 т. (2004, *П (Пе–Праснак)*); 2301 словарная статья: Лучиц-Федорец, Волкова, Курьян, Авилова, Малько, Цыхун); 10 т. (2005, *П (Прасніца–Пяць)*); 1819 словарных статей: Малько, Антропов, Цыхун); 11 т. (2006, *Р–С (Раб–Саян)*); 2166 словарных статей: Авилова, Антропов, Цыхун, Курьян, Лучиц-Федорец, Абрагимович, Волкова, Малько); 12 т. (2008, *С (Свабода–Стэсам)*); 1777 словарных статей: Малько, Цыхун.

Таким образом, в подготовке вышедших 12 томов ЭСБМ приняли участие 14 ученых, из них 12 языковедов академического Института языкознания (ныне Институт языка и литературы) и 2 (Супрун и Ивашина) из Белорусского университета (Минск): девять в 1–8 томах и восемь в 9–12 томах. Их участие в отдельных томах (в порядке убывания общего количества) следующее: в восьми томах: Лучиц-Федорец (2, 4–5, 6 полностью, 9, 11); Цыхун (1, 2, 7–12); в шести томах: Малько (2, 8–12); в пяти томах: Мартынов (1, 3–5, 8); в четырех томах: Кравчук (1–4); в трех томах: Антропов (10–12); в двух томах: Супрун (1, 3), Лобко (2, 4), Волкова (9, 11), Курьян (9, 11), Авилова (9, 11); в одном томе: Михневич (2), Ивашина (3), Абрагимович (11).

В обоих авторских коллективах выразительно выделяются три группы исследователей: “чистые” этимологи, этимологи “в том числе” и неэтимологи. К первой необходимо, безусловно, отнести Кравчука, Лобко, Лучица-Федорца и Малько, потому что этимология – главная сфера их научных занятий¹⁰. Для Антропова, Ивашиной, Мартынова, А.Е. Супруна (1928–1999), Цыхуна научный поиск в этимолого-лексикографическом направлении хотя и являлся (у Антропова и Цыхуна – является) существенным, однако все же не главным, а в определенной степени сопровождающим их лингвистические интересы. Наконец, этимологическая проблематика для давно отошедшего от словаря Михневича, а также Абрагимович, Авиловой, Волковой, Кощенко, Курьян и Шакун – это только практика работы над своими частями ЭСБМ; иные, как раз главные, направления их научной деятельности находятся в разной степени далеко от этимологии.

Как видно, в нынешнем составе авторов представлены все группы, но преобладает последняя, т.е. неэтимологи. Соответствующая ситуация в первом авторском коллективе была зеркально противоположной. Если же принять во внимание возраст наиболее опытных исследователей, которые начинали словарь, то становится понятным, что окончание работы над ЭСБМ будет, вероятно, делом специалистов, которые занимаются им исключительно в рамках выполнения плановых заданий – до пополнения коллектива новым поколением этимологов по призванию, что также потребует немало времени.

В практическом плане результатом соединения “авторского” начала, реализованного в 1–8 томах, и различной этимологической направленности (и искушенности) отдельных участников явилась очевидная пестрота в индивидуальной разработке этимологической статьи¹¹, которая особенно явно прослеживается по 1–5 томам, где статьи всех девяти авторов узнаются без особых трудностей, но на полюсах находятся, например, части, принадлежащие Лобко (*К-Каляда*, 516 словарных статей; 212 стр. текста) и Кравчуку (*Кас-Каята*, 168 словарных статей; 38 стр. текста) в 4 томе (стр. 5–216 и 290–327). Фактически статьи первого из авторов даже в существенно сокращенном по сравнению с первыми вариантами виде представляют собой своеобразные, иной раз – в отношении омонимов – необыкновенно дифференцированные этимолого-семасиологические этюды (ср., например, 8 отдельных статей на *казак*, 12 на *калода*, 25 на *казёл* и даже 29 на *каза*¹²) при неадекватно тщательном иногда внимании к лексемам, важность

которых для ЭСБМ явно различна – вроде статей *калода*₁₂ ‘колода карт’ и *калодзеж*₁ ‘колодец’, почти одинаковых по объему. С другой стороны, не может не поражать чрезмерная краткость, присущая этимологиям второго автора, когда исключительно актуальный для традиционной культуры белорусов (и в целом восточных славян, конечно) *каравай* умещается всего в 10 строк, а *карміць* без приведения значений и источников с неполным (и, главное, недостаточным) перечислением родственных славянских форм только возводится к элементарной праславянской реконструкции и отсылается к *корм*. Только с 6-го тома, который, как отмечалось выше, был полностью подготовлен Лучицем-Федорцом, вырабатывается более-менее единая, гармонизированная структура словарной статьи.

Однако как бы не бóльшая пестрота наблюдалась в рабочих материалах к 9–11 томам, приведение которых к необходимому издательскому стандарту потребовало серьезных усилий, временами просто исключительных, что в особенности относится к 11-му, как представляется, менее удачному по отношению к четырем последним опубликованным (что и неудивительно в связи с необычно большим даже для ЭСБМ составом его авторского коллектива). В связи с этим принципиально изменилась роль научного редактирования, результатом чего явилась фактическая переориентация ЭСБМ со словаря “авторского” на “редакторский”, когда редактирование – не только и не столько определенные текстуальные (по большей части стилистические) процедуры, а существенная *доработка* и даже полная *переработка* первичного материала¹³. Именно так Г.А. Цыхун работал над 9–12 томами. Понятно, что подобный подход к *содержательному* редактированию требует серьезных временных затрат, поэтому вполне логично, что с 11-го тома возникла необходимость также в ответственном редакторе издания, главные функции которого в основном технического плана, но с особым вниманием к точной подаче лексического материала, что иногда требует едва ли не сплошной его проверки по разноязычным первоисточникам.

С возобновлением работы над белорусским этимологическим словарем вновь актуализировались вопросы этимолого-лексикографической методологии, важнейшая из которых (как, впрочем, и для любого словаря этого типа) – репрезентация материала, т.е. отбор и объем материала, подлежащего этимологизации. Но в случае ЭСБМ это дополнительно осложнено отсутствием словных реестров на отдельные буквы, так как, к сожалению, в свое

время не были составлены ни общий реестр словника словаря, ни хотя бы реестры на отдельные буквы (сейчас эта работа в отношении оставшихся букв в основном закончена), поэтому одновременно с собственно редактированием Г.А. Цыхун был вынужден добавлять к каждому из последних томов довольно значительное количество статей: 27 – к 9-му, 32 – к 10-му, 64 – к 11-му, а к 12-му – на порядок больше, именно 467 при еще 118 совместных с основным автором тома Р.Н. Малько.

Уже с первых томов словарь был ориентирован на максимально полный охват белорусской лексики, зафиксированной в разнообразных источниках, поэтому основная доля этимологизируемых лексем приходится на словари и словарные подборки, в которых зафиксирована лексика диалектная. К примеру, в 413 словарных статьях на Ж¹⁴ (автор А.Е. Супрун) в 3-м томе только в 157 (38%) отражены (часто без указания на источник) лексемы из академического 5-томного (последний том в двух книгах) “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы” (далее – ТСБМ). Вероятно, выявленное процентное соотношение является объективным; во всяком случае, об этом свидетельствует часть С – Саян в 11-м томе: 136 отсылок к ТСБМ в 347 статьях, т.е. 39%. Впрочем, нередко собственное видение автора и его специальные этимологические интересы все-таки могли ограничивать словник по отдельным буквам, поэтому в ЭСБМ не проэтимологизировано немалое количество исконной белорусской лексики, которую, конечно, следовало бы учесть. Так, только в словнике на небогатую букву І (277 словарных статей¹⁴) отсутствуют *іва, івал, іга-іга, ідзе, ігліна, ізначай, ілгак, індзе, ірай, іржэўе, ірлаваць, ірзаць* и т. д.

С проблемами отсутствия предварительно составленных словников и практики редактирования (в особенности первых восьми томов) тесно связана система отсылок и статус отсылочных статей в словаре. Сплошная проверка наличия номинаций, к которым делались отсылки, показала, во-первых, существенный разноряд в их подаче (в частности, к именным или глагольным формам, к прямым инфинитивам или к их возвратным коррелятам и т. п.), а во-вторых, слишком частое отсутствие лексем в качестве заглавных слов, к которым ранее отсылался читатель. Среди них такие важные, как *амшар, барлог, брунька, вырвалак, галота, гыля, доба, звіх, кавяня, качурыца, ксціны, ліцвін, лунець, лядвея, машэка, навіды, ожаг, падман, плюск, самавіты* и т.д. Всего несуществующих (а поэтому и не проэтимологизированных)

отсылочных номинаций на 12 томов обнаружилось ни много ни мало – целых 786¹⁵, т. е. более чем на треть полноценного тома, если учесть среднее количество статей в томе. К сожалению, кроме них в словаре пропущены интересные белорусские слова, исследование которых было бы, по меньшей мере, не лишним, типа *мокі* ‘вымя’ или *налой* ‘пар в бане’¹⁶. Безусловно, в одном из дополнительных томов этимологизация (или атрибуция) этой лексической фактуры должна быть предусмотрена.

Отдельно необходимо остановиться на актуальных вопросах представления материала в связи с проблемой дериватов, прежде всего префиксальных: в 9-11-м тт. на *пера-*, *пры-*, *раз-/рас-*. Безусловно, с этой проблемой сталкиваются не только авторы ЭСБМ, поэтому здесь возможно, как представляется, выявить две противоположные тенденции: а) очень полная подача¹⁷ (ср., например, опыт болгарского этимологического словаря с постоянным от тома к тому “антипуританским” расширением состава префиксальных производных, но особенно в 5-м томе с лексемами на *при-*; судя по первым 2-м выпускам (*А-Бд*), та же тенденция прослеживается в “Этимологическом словаре сербского языка”); б) только (или почти только – с учетом десемантизации словообразовательных средств) гнездовая подача материала с общей корневой морфемой. В последнем случае речь, естественно, идет, прежде всего, об этимологических однокоренниках: словенском М. Сноя (особенно 2-е издание 2003 г.), хорватском А. Глухака, недавних польских К. Длугош-Курчабовой и В. Борясы.

Ретроспективно анализируя опыт работы над последними томами ЭСБМ, можно, вероятно, констатировать, что критериями отбора такой лексики для ЭСБМ – при обязательных приметах семантической новизны или очевидной деривационной необычности – выступают, в общем, вполне известные: 1) *собственно белорусский*: а) наличие/зафиксированность соответствующей лексемы без префикса (идеально, если она уже нашла отражение в ЭСБМ), при отсутствии – возможность ее реконструкции; б) наличие иных префиксальных коррелятов; 2) *близкородственный*: наличие соответствующих восточнославянских префиксальных образований; 3) *родственный*: наличие соответствующих префиксальных образований в других славянских языках; 4) *ареальный*₁ (связанный с предыдущим): отмеченность этих соответствий в соседних или сравнительно близких восточнославянских диалектах; 5) *ареальный*₂: для заимствований или образований на базе заимствований из соседних языков; 6) *семантический*: наличие

соответствующих, прежде всего восточнославянских, префиксальных образований с иной, но близкой или непротиворечивой (получившей дальнейшее развитие) семантикой; 7) *исторический*: наличие соответствующих лексем (пусть и с иной семантикой) в старобелорусском, древне-(старо)русском, староукраинском и, естественно, старославянском.

На практике реализация выделенных критериев в 9–12 тт. ЭСБМ, выглядит, в основном, следующим образом:

а) обязательно приводятся дериваты от ранее неэтимологизированных слов (особенно если они не найдены в источниках) типа записанного на севере Минщины *раскалужыцца* ‘расшевелиться’ (ср. 11 т., 118: Пакуль ён *раскалужыцца* з хворай нагой, дык я буду ўжо аш на балоця), которое, естественно, продолжает незафиксированное **калужыцца* при наличии столинского *калюжыцца* ‘возиться, мазаться в грязи, в луже’ (Тураўскі слоўнік 2, 179), отмеченного, таким образом, в принципиально ином, именно центральнополесском этноязыковом регионе¹⁸, однако в соответствующих статьях 5-го тома *калужа* и *калюга* глагольные лексемы не приведены;

б) подаются дериваты (однако все-таки выборочно – на усмотрение главного редактора), даже этимологически прозрачные, но с обязательным учетом семантических продолжений/сдвигов, а при этом – с особым вниманием к “культурной” семантике, ср., например, *ператыкаць* ‘ткать нитками разного цвета’ (9 т., 84), *прыжэляць* ‘несколько подгореть на горячей печи, лежанке (об одежде, ткани)’, *прыкры* с рядом архаических значений, *прымаўляць* ‘приговаривать; уговаривать; попрекать; приговаривать при ворожбе; привораживать’ (10 т., 82, 96–97, 106–107) или *разгón*² ‘приданое молодой в виде хозяйственного имущества; поголовье домашних животных’ (12 т., 51);

в) при репрезентации родственных форм, прежде всего восточнославянских, в статье подаются только те, которые непосредственно соотносятся с анализируемым словом, причем с актуализацией лингвогеографического фактора, т.е. предпочтительно территориально близкие, но все же с учетом развития значений, если они согласуются с определенными семантическими моделями, что позволяет избежать чрезмерного “утяжеления” словарной статьи фактическим материалом.

Безусловно, важным в структуре этимологической статьи является анализ литературы вопроса, т.е. выдвинутых ранее исследовательских версий. В современной славянской этимологи-

ческой лексикографии здесь также наблюдаются различные, иногда противоположные тенденции. С одной стороны, предлагается максимальное описание, которое реализуется, например, в ЭССЯ, SP или (особенно) Пражском этимологическом словаре старославянского языка, что в отношении этих словарей представляется совершенно естественным, а также в сербском этимологическом словаре (здесь, вероятно, в соответствии с традицией, последовательно реализованной в сербскохорватском этимологическом словаре П. Скока), более того – с окончательной “внешней” этимологией. Иное направление связано с минимизацией обзора или даже его полным отсутствием, как, например, в польском однотомнике В. Борыся, где автор непосредственно в предисловии предлагает пользоваться предыдущей этимологической литературой, представленной в библиографическом списке.

Подход, который реализован в последних четырех томах ЭСБМ, предусматривает определенный синтез этих двух тенденций, но, к сожалению, не удастся сделать его целиком системным, как, например, в Кашубском этимологическом словаре В. Борыся и Х. Поповской-Таборской или 1-м томе “Русского этимологического словаря” А.Е. Аникина. При этом совершенно обязательным является полный критический обзор версий, выдвинутых (и даже в популярных или не вполне научных изданиях) специально по заглавному слову или его дериватам. Значительно ограничена “внешняя” этимология, что отдельно относится к заимствованиям.

Предварительные расчеты показывают, что долгий путь ЭСБМ к букве Я может быть завершен к 2011–2013 гг., причем полный корпус словаря составят, судя по всему, не менее 16 томов (вместе с отсылочными и отсутствующими статьями, о которых речь шла выше, исправлениями, и, возможно, небольшим количеством кратких дополнений). Параллельно предполагается готовить два справочных тома, в которые войдут указатели слов по всем языкам¹⁹, списки отмеченных неточностей и опечаток, полные списки источников, литературы и сокращений.

Разумеется, изнутри погрешности и недостатки нашего словаря видятся даже более отчетливо²⁰, чем извне – глазами немногочисленных рецензентов, но все-таки очевидны и его достоинства, поэтому в заключение приведу краткую цифровую сводку по всему корпусу словаря, опубликованному к настоящему времени. Количество привлеченных источников, печатных и архивных, откуда черпается белорусская лексика, составляет более 310 единиц

(вряд ли такая база представлялась даже возможной в начале работы²¹), корпус литературы – более 900, в словаре находят отражение лексические материалы из почти 560 языков и диалектов, а в их числе номинации, которые репрезентируют около 170 белорусских говоров, что совершенно уникально даже в отношении специальных работ по белорусской диалектологии (исключая, разумеется, диалектологический и лексический атласы). Всего в 12 томах словаря содержится почти 28 тысяч словарных статей и, таким образом, уже сейчас, в неоконченном виде, он по заголовочному словнику является крупнейшим этимологическим словарем отдельного славянского языка. Представляется, что окончательный объем этого словника составит не менее 36–37 тысяч, т.е. количество беспрецедентное, безусловно, для этимологического словаря. Кроме того, для белорусской лексикографии он, в отсутствие большого словаря национального языка, а также сводного диалектного, фактически – до появления последних – выполняет в определенной степени также их функции.

Таким образом, отдельные «голоса о «белорусском этимологическом ландшафте»», о которых О.Н. Трубачев писал²² в 1978 г., за три десятилетия преобразовались в академический хор со своим лицом, дирижерами и полифоническим репертуаром. ЭСБМ по-прежнему и на годы вперед остается единственным систематизированным и надежным источником по этимологии белорусской лексики²³.

Актуальной задачей следующего после завершения ЭСБМ этапа белорусской этимологической работы должно стать создание большого однотомника с распределением материала по корневому принципу, подготовленного с учетом современной этимолого-лексикографической парадигмы, а затем – осуществление второго многотомного издания, однако последнее уже станет проектом для новой генерации этимологов.

Примечания

¹ Полагаю, что сейчас только специалисты сразу вспомнят о греко-славянских этюдах М. Фасмера, о классических для словенской лингвистики работах Ф. Безлая (см. составленный М. Фурлан внушительный двухтомник его работ, вышедший в Любляне в 2003 г., объемом более полутора тысяч страниц), о фундаментальных монографиях В. Махека и О.Н. Трубачева (к этому перечню можно добавить почти такой же по объему, как «Zbrani jezikoslovni spisi» F. Bezlaja, двухтомник трудов О.Н. Трубачева «Труды по этимологии. Слово · История · Культура», изданный издательством «Языки русской культуры» в 2004 г.) и т. п.

² Что и неудивительно, потому что даже «в наше время бурного роста информа-

ции, расширения знаний по истории и этимологии русских слов”, но особенно “по прошествии более чем полувека с момента выхода в свет словарь продолжает отвечать высоким научным требованиям. И по сей день это самый полный и авторитетный этимологический словарь русского языка” (*Куркина Л.В.* Русская этимологическая лексикография // Теория и история славянской лексикографии: Научные материалы к XIV съезду славистов. М., 2008, 374).

³ Необходимо уточнить, что идея словаря восходит, конечно, к еще более далеким временам: к планам Е.Ф. Карского, а далее к 20–30 гг. минувшего столетия, когда, по свидетельству бывшего директора Института языкознания М.Р. Судника, работой над этимологическим словарем занимался сотрудник Института белорусской культуры (предшественника Белорусской Академии Наук) М. Коген. На протяжении 1964–1967 гг. выработывалась концепция ЭСБМ (вначале на основе первичного варианта проспекта, предложенного переехавшим в Минск из Киева Р.В. Кравчуком), и уже непосредственно с работой над словарем была связана состоявшаяся в феврале 1968 г. первая из пяти (за семь лет!) специализированных конференций, вдохновителем и организатором которых был будущий его редактор В.В. Мартынов, см.: *Беларуская лексікалогія і этымалогія*. Мінск, 1968; см. далее сборники материалов для обсуждения (ответы на вопросы анкет): *Лексічныя балтызмы ў беларускай мове*. Мінск, 1969; *Беларуска-ўкраінскія ізалексы*. Мінск, 1971; *Беларуска-рускія ізалексы*. Мінск, 1973; *Беларуска-польскія ізалексы*. Мінск, 1975. На этих заметных в то время научных встречах, в сущности, своеобразных этимологических “мозговых штурмах”, приняли участие (также в ответах на вопросы анкет) ученые из университетов и научных центров 30 городов 10 стран (семь в те годы – союзные республики СССР).

⁴ В течение этих пяти лет были созданы рабочие картотеки словаря (общая словарная и литературная), позже, но также в течение недолгого времени, пополнявшиеся, увы, только время от времени.

⁵ *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования восточнославянских языков: словари // *Трубачев. О.Н.* Труды по этимологии: Слово · История · Культура. Т. 1. М., 2004, 374. Так же высоко оценивала его В.А. Меркулова в специальной рецензии: «1978 год ознаменовался большим событием в славистике – выходом в свет первого тома “Этимологического словаря белорусского языка”. Это событие тем более значительно, что это первый опыт этимологической интерпретации белорусской лексики» (см.: *Этимология* 1979. М., 1981, 174). Ср. также обстоятельный отзыв на этот том К. Мюллера. На этот отзыв, а также на отклики Ш. Ондруша и А.Е. Аникина, о которых ниже, обратил наше внимание Г.А. Цыхун) в: *Deuscheliteraturzeitung* (Berlin). 1980, Jg. 101, N. 5, 387–390.

⁶ В начале предисловия к 5-у тому редактор В.В. Мартынов писал: “Завершена первая половина многотомного Этимологического словаря белорусского языка”.

⁷ По плану на 2001–2005 гг. (четыре тома, а именно 9–12, за 5 лет) этот том должен был стать последним.

⁸ Г.А. Цыхун – редактор/главный редактор 9–12 томов.

⁹ Моя сердечная благодарность И.И. Лапуцкой, с 9-го тома осуществляющей техническую (компьютерную) подготовку текстов статей для последующего редактирования, за произведенные ею подсчеты по всем томам и отдельным буквам.

- ¹⁰ Для Р.В. Кравчука (1929–1992) – была; что же касается В.Д. Лобко, который уже давно не работает в институте, этот период его научной биографии остался просто единственным.
- ¹¹ На “неоднородность” в отношении репрезентации словообразовательной составляющей этимологического анализа внимание было обращено практически сразу, см. рецензию В.А. Меркуловой на 2-й том словаря в: *Этимология* 1981. М., 1983, 160.
- ¹² На не вполне оправданное “разрастание омонимии”, имея в виду 18 статей на *бабка* в 1-м томе, в цитированной выше статье указывал О.Н. Трубачев (374–375); об этом же писали и другие исследователи – Ш. Ондруш в отзыве на первые два тома (см.: *Slavica Slovaca*, 1982, гоѣ. 17, ѣ. 3, 270–272) и К. Мюллер в упомянутой выше рецензии (см. *Deutscherliteraturzeitung* (Berlin). 1980, Jg. 101, N. 5, 389), обративший также внимание на немалое количество слов с пометами “неясно”, “темное слово” и под.
- ¹³ Здесь уместно вспомнить об опыте О.Н. Трубачева, который вел авторскую работу над текстом 1-13 тт. московского “Этимологического словаря славянских языков” (М., 1974–1987) – и это при том, что коллектив словаря с самого начала работы над ним составляли только этимологи. Иной подход реализуется в украинском с росписью статей по авторам, а также краковском “Праславянском словаре” и некоторых других (например, кашубском или словенском в 3 и 4 томах), где отдельные статьи подписываются инициалами авторов.
- ¹⁴ С отсутствующими, естественно, префиксальными дериватами и минимальным количеством заимствований. Любопытно попутно сравнить количество статей на эту букву в других восточнославянских этимологических словарях: М. Фасмер – 233, словарь Московского университета – 150, Вл. Орел – 110, П.Я. Черных – 76, Я. Рудницкий – 208 (с не менее чем третью отсылочных), украинский академический – 292.
- ¹⁵ Меньше только статьи на начальные *Е, Ё* (56) и, как уже отмечалось выше, *О* (29).
- ¹⁶ Конечно, значительная часть из них находится внутри статей с заголовочным словом, представляющим тот или иной фонетический, словообразовательный и т. п., коррелят, – типа *маркѡта* при заголовочном *маркатá*.
- ¹⁷ На отсутствие этих лексем (а также некоторых других) обратил внимание А.Е. Аникин в рецензии на 7-й том, см.: *Славяноведение*, 1993, № 3, 109–113. К слову, в этом очень строгом (хотя, может быть, и не во всем справедливом) отзыве автор из-за “отсутствия места” сосредоточивается лишь на “весьма заметных и многочисленных недостатках книги, которые уменьшают ее значение как первого опыта сплошной этимологизации белорусской лексики”, вошедшей в том; при этом, по его мнению, “количество серьезных недочетов” в части *Мз–Мя* “по-видимому, превышает некую критическую величину” (с. 109).
- ¹⁸ Или даже исчерпывающая, как в ЭССЯ (см. выпуски 26–32 с начальным **ob-*), что, конечно, целиком оправдано целями репрезентации *всего* праславянского лексического фонда, который возможно реконструировать.
- ¹⁹ Кстати, подобного характера диалектные изолексы (иногда явно сепаратные) внутри белорусского этноязыкового массива, представляющие немалый интерес и ожидающие своего исследователя, во множестве рассыпаны по отдельным томам словаря.
- ²⁰ Достойным образцом здесь может служить великолепный 5-й том (“*Kazala*”) “Этимологического словаря словенского языка”, вышедший в 2007 г.

- ²¹ Очевидным упущением общего характера является совершенно недостаточное использование в ЭСБМ материалов богатейшей картотеки “Гістарычнага слоўніка беларускай мовы”.
- ²² Кстати, оценивая базу источников словаря (свыше 70, опубликованных по 1945 г. включительно), Ш. Ондруш в своей рецензии пишет, что она “skutočne bohata” (с. 370).
- ²³ Имея, прежде всего, в виду известную статью В.В. Мартынова с аналогичным названием в “Slavische Wortstudien” 1975 г. (материалы этимологического симпозиума 1972 г. в Лужице); см. подробнее: *Трубачев О.Н.* Указ. соч., 365.
- ²⁴ Вместе с тем, вряд ли его использование, даже и критическое, исключая, разумеется, работы специалистов-этимологов старших поколений, можно назвать удовлетворительным.